

ОППОЗИЦИЯ «ВНУТРЕННИЙ — ВНЕШНИЙ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

*Статья посвящена рассмотрению наименований локусов традиционного крестьянского жилища, которые маркируют границу между внутренним и внешним миром обитания человека. На основе соотношения лексем *угол*, *кут*, *рог* показаны особенности псковской диалектной картины мира на фоне восточнославянских языковых данных.*

Ключевые слова: пространственные концепты, диалектный дискурс, семантические оппозиции.

N. V. Bolshakova

THE OPPOSITION "INTERNAL — EXTERNAL" AS REFLECTION OF THE SPATIAL MODEL IN SLAVIC LANGUAGES

*The article is devoted to the analysis of the names of traditional peasant houses that mark the border between the inner and outer worlds of human habitation. The features of the Pskov dialect worldview against the background of the Eastern Slavic language data are shown on the basis of the correlation of the lexemes such as *угол*, *кут*, *рог*.*

Key words: spatial concepts, dialect discourse, semantic opposition.

Исследование пространственных номинаций с привлечением данных диалектной речи позволяет представить разные принципы организации пространственной модели мира человека. Занимаемое тем или иным сообществом пространство — это не чисто географическое или топографическое понятие, т. к. членение территории, особенно в традиционном сознании, осуществляется в зависимости от степени ее освоенности и включает сферы ближнего и области в разной степени отдаленного, т. е. менее освоенного, пространства. «Ближний круг» очерчен границами дома — того жилого помещения, где живет человек, его ближайшие родные — семья. Данная статья посвящена рассмотрению наименований локусов традиционного крестьянского жилища, которые маркируют границу между внутренним и внешним миром обитания человека. Традиционное крестьянское жилое отапливаемое помещение, или изба, строилось в виде четырехугольника и продолжает сохранять эту форму как наиболее конструктивно рациональную. Вместе с тем в такой организации усматривают и типологическое единство с четырехчленной моделью мира, что является воплощением «правильно организованного, “своего”, христианского пространства» и отвечает устройству «мироздания вообще» [2, с. 342].

Организация пространства дома в традиционной культуре передается путем маркирования углов как границ между внутренним, ближним, и всем остальным пространством. С оппозицией «внутреннего» и «внешнего» связаны представления

* издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-60001 «Модель мира, псковского крестьянина (по материалам текстов народных сказок Псковского края)»

о «своем» и «чужом» пространстве как одной из основных семантических оппозиций в народной культуре: «... четыре угла традиционного жилища были не только знаками границы, за которой простирался чужой, враждебный человеку мир. Одновременно они маркировали и “свое”, внутреннее пространство» [1, с. 37]. Семиотика пространства крестьянского жилища получила описание в исследованиях по этнографии, фольклористике, этнолингвистике. См. литературу в [1, с. 46–53]. В контексте обрядовой деятельности жилище восточных славян исследовано А. К. Байбуриным [4]. Многие работы по лингвокультурологии, этнолингвистике, этнофольклористике посвящены символическому наполнению окна (а также двери, порога) как границы двух миров — внутреннего, освоенного, и внешнего — чуждого, опасного и враждебного [12; 26; 5, с. 169–173].

Зонирование внутреннего пространства жилого помещения маркируется группой лексических единиц и устойчивых словосочетаний, широко распространенных в русских народных говорах. Функциональные зоны традиционно именуется в диалектной речи *углами* и синонимичными им единицами [26]. Для обозначения внутренних углов постройки в восточнославянских языках используется базовое слово *кут*, которое известно украинскому, белорусскому языкам и сохраняется в русских диалектах.

Данные диалектных словарей, как региональных, так и сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), дают основания утверждать, что современная диалектная речь в целом уже не отражает строгой дифференциации в наименовании внутренних углов с помощью специализированной лексики.

Так, по данным СРНГ, лексема *кут*, имеющая в современных говорах более 30 значений, на разных территориях отмечена и как название любого внутреннего угла вообще, и в качестве частного наименования — печного пространства, заднего угла в доме, угла около входной двери, а также, наоборот, для именованья переднего, красного угла [23, с. 163–164].

Даже на относительно однородной диалектной территории — в зоне распространения псковских говоров — слово *кут* (вариант *куть*) многозначно. Так, в псковских говорах оба слова — *кут* и *угол* — употребляются, во-первых, как синонимы-дублиеты: *Уго́л, у куту́, усí кутьí*. Нев., во-вторых, эти слова могут в настоящее время называть как любую из четырех зон в избе, так и какую-либо строго определенную со свойственной ей функцией. О многозначности этого слова в древнерусском языке, в том числе и в Псковских летописях, пишет Ю. Ф. Денисенко [9]. «Псковский областной словарь с историческими данными» в современной части фиксирует 9 значений, помимо оттенков и употреблений. Отметим те из них, которые имеют отношение к теме работы, т. е. связаны с наименованием углов в доме.

Слово *кут* называет пространственные зоны помещения:

— любой угол в избе: *Ну и сиди́ ф куту́, нилюдíмья*. Оп.;

— печной угол и место у печи, где приготавливают пищу: *Пéцка ф куту́ стайít*.

Тот у́гал, где пéцка, кут назывáли. Остр.; *Иди́ ф куть, абéт гато́фь*. Пушк.; *Кут — са́мый за́дний уголо́к, ме́жду пéчкьí и стéнкьí*. Пыт.;

— угол в избе около входной двери: *Кут — у парóге у́гал*. Н-Сок.;

— переднюю часть и угол в избе, где висят иконы; самое почетное место: *Кут — уде́ ико́на стайítь; набóжник на ико́ни висíть, бажни́ца для ико́ны, стайítь ико́на у бажни́цы*. Нев.; *Паста́фьсту́ла на ме́сто, да посади́ го́стя ф кут*. Нев. [20, с. 428–429].

По данным археологии [21, 22], смысловым центром древнего жилища славян была зона очага, постепенно трансформировавшаяся в печной угол. Эта зона была

источником тепла, света, здесь приготавливалась пища и, разумеется, совершалась ритуальная деятельность человека. Принятие христианства привело к появлению другой, диагонально противоположной функциональной зоны переднего угла, которая стала средоточием духовной жизни человека, т.к. здесь находились иконы как символ высокого, божественного. Жилое помещение, продолжая оставаться по своей конструкции четырехугольным, обрело новое смысловое (и функциональное) внутреннее членение с выделением двух углов/кутов.

Божий / больший / болюшой / иконный / красный / кутный (кутный) / первый / передний / пережний / правый / просвеченный / святой / чистый / угол/кут [28, с. 22] — таковы зафиксированные только псковской народной речью названия функциональной зоны, противоположной *печному углу* [28, с. 61], который имеет также наименования *стряпной, бабий угол* [8, с. 468] в связи с сосредоточенной здесь хозяйственной деятельностью женщин. Множество описательных наименований переднего угла может показаться избыточным, однако каждое из определений не столько указывает на функциональный признак, сколько подчеркивает ценностный статус места, отражая иерархию, неравнозначность двух противоположных углов.

Вместе с тем дихотомия двух противоположных углов, как представляется, вряд ли может быть охарактеризована по степени аксиологической значимости одного в противоположность другому. Вероятно, при выстраивании диагонали передний угол ~ печной угол она (эта диагональ) была наделена символикой противопоставления христианского мира языческому, в чем иногда усматривают признак двоеверия. Однако в дальнейшем каждая из двух основных зон обрела свой комплекс функций, создав биполярное пространство традиционного крестьянского дома. «Но два угла: задний, в котором поставляется печь, и передний, диагонально противоположный первому углу, пользовались самым большим почетом. Названные два угла представляют те главные точки, которыми обозначалось пространство будущей избы: определив точку очага, необходимо было определить еще точку того переднего угла, о котором сейчас сказано, — и границы избы, искони строившейся четверугольником (клеткою, клетью), получали известность» [3].

Слово *кут*, помимо широкого использования в русских диалектах, известно другим восточнославянским языкам — украинскому и белорусскому, а также распространено в южнославянской и западнославянском языковом мире, где отмечены как корневое слово, так и суффиксальные производные, отдельные из которых восходят к древнейшему периоду — праславянской эпохе: **kǫtь, *kǫta, *kǫtati, *kǫtja, *kǫtьkь, *kǫtьсь, *kǫtьnica, *kǫtьnikъ, *kǫtьнь(jь)* [31, с. 69–80].

Этимологические данные показывают, что в древности общеславянское **kǫtь* «обозначало и обозначает не всякий угол, а внутренний», фиксируя это значение как «преимущественное и, видимо, первоначальное значение <...>, в то время как внешний, выпуклый угол всегда обозначался словом **ogъlь* (современное *угол* — с аналогичной судьбой носового гласного в корне. — Н. Б.). Между обоими названиями угла первоначально не было отношения синонимии, это было, скорее, функционально-семантическое дополнение» [31, с. 76].

Этимология обоих слов — *угол* и *кут* (берем сейчас наиболее обоснованные версии) — ведет к единому образу изогнутой, кривой линии. Корень общеславянского слова *угол* **ogъlь* восходит к и.-е. **ang-* ‘изогнутый’ [29, с. 145; 30, с. 281]. Существенно отметить, что в словаре В. И. Даля слово *угол* определено через соот-

носимые по смыслу лексемы «перелом, излом, колено, локоть» [8, с. 468], такое толкование не столько отражает признаки денотата, сколько указывает на общую идею изогнутости. Согласно одной из поддерживаемых современными этимологами версий, праславянское **kqъ* восходит к **kqptъ*, что соотносится с греч. *κάμπτω* ‘гнуть, изгибать, искривлять’ [31, с. 76]. В латышском языке название угла *kakts* также этимологически связывается с идеей кривизны [13, с. 426]. Таким образом, образ изгиба лежит в основе обоих наименований, причем этимологами замечено, что семантика ‘гнутый’/‘гнуть’, ‘кривой’, связанная с языческим культом, ритуалом, является одной из смысловых первооснов, к которой восходят, системно трансформируясь, многие современные смыслы [15, с. 21].

История русского языка (его литературной и диалектной форм) отражает два различных пути развития древних отношений в рассматриваемой лексико-семантической микросистеме.

Современное состояние литературного языка таково: слово *угол* отражает энантиосемию как явление семантического равновесия двух противоположностей. Действительно, пространственный образ изогнутой линии, какой является геометрическая фигура угла, демонстрирует дуализм вогнутого и выпуклого. При перенесении этого образа на природные явления или артефакты, например, на конструкцию четырехугольной жилой постройки, мы привычно называем словом *угол* как внутреннее, так и наружное пространство. Энантиосемия, как и любая неоднозначность, нейтрализуется контекстом: *поставить стол в угол* (*угол* — ‘место, где сходятся две внутренние стороны’); *завернуть за угол дома* (*угол* — ‘место, где сходятся две внешние стороны’). Современная полисемия восходит к периоду древнерусского языка, где лексема *уґль* уже обозначала ‘внутренний или наружный угол дома’ [30, с. 281].

Русская диалектная речь отражает как архаичные, так и современные отношения, нередко дублируя оба типа.

Как свидетельствует речевой материал современных псковских говоров, употребление слова *угол* также распространилось на наименование внутренних зон помещения: *В избѣ бѳльшій уґол, где иконы, пасудный уґол, где утворь разная, есть ешио печной уґол и краватный уґол*. Сер. [20, с. 176].

Однако эта общерусская модель осложнена использованием и слова *кут* (вариант *куть*) — также для различных зон внутреннего пространства: *Кут — уде икона стайитъ; набѳжник на икони виситъ, бажниця для иконы, стайтъ икона у бажницы*. Нев.; *Пастафъ стула на мѳсто, да посади гѳстя ф кут*. Нев.; *Пѳцка ф куту стайт. Тот уґал, где пѳцка, кут называли*. Остр.; *Иди ф куть, абѳт гатѳфъ*. Пушк. *Кут — самый задний уґолок, мѳжду пѳчкѳй и стѳнкѳй*. Пыт. [20, с. 428–429].

В свете рассмотренного параллелизма наименований отмеченное в говорах словосочетание *кутний угол* может быть истолковано как проявление семантической редупликации (смыслового повтора) и теоретически могло бы именовать любую из функциональных зон, однако отмечено в речи лишь для обозначения переднего, почетного угла: *Кутний уґол—ѳта уде икона стайит*. Нев. [20, с. 432].

Таким образом, в современной диалектной речи оба слова — *кут* и *угол* — употребляются без специальной функциональной дифференциации — как синонимы-дублиеты для обозначения разных зон внутреннего пространства крестьянского жилища: *Уґол, у куту, усѳ куты*. Нев. [20, с. 428].

Описанные пространственные модели русского языка (литературного и диалектного), отражающие универсальные в своей сути процессы, не являются по своему результату единственно возможными. Славянские языки, даже близкородственные, демонстрируют еще более сложную систему функционально-семантических отношений с включением в нее еще одной лексемы — *рог*.

Так, современные украинский и белорусский языки для обозначения математического понятия используют слово *угол*, для наименования внутреннего пространства помещения — лексемы с корнем *кут-*, в то время как для обозначения внешнего, наружного угла — *рог* (блр.) *pię* (укр.). Ср. также: укр. устар. (*в*)*у́гол* (обычно *кут*, но 'угол здания, улицы' — *pię*) [30, с. 281].

В западнославянских языках сложилась близкая к этой картина. В чешском языке: *úhel* — математ. (в других случаях — *roh*, *kout*) [30, с. 281]. Современная лексико-семантическая система польского языка довольно строго дифференцирует употребление всех трех наименований. Так, *róg* является наименованием 'наружного угла дома', отсюда выражения *skręcić za róg* 'свернуть за угол', *mieszkać za rogiem* 'жить за углом'; слово *kąt* называет 'внутренний угол дома', отсюда выражение *chodzić z kąta w kąt* 'ходить из угла в угол'. Пословица *cztery kąty, pięć piątą*, эквивалентная русской 'хоть шаром покати', буквально обозначает 'четыре угла, пятая печь' [7, I с. 313]. Правда, отмечается и слово *węgiel* 'угол (наружный)': *zawęgla* 'из-за угла' [7, II с. 510].

Историческая судьба слова *рог* типологически сближается с этимологией лексем *угол* и *кут*: это слово также общеславянского происхождения, его связывают с и.-е. **reg* 'гнуть' [15, с. 278]. Дальнейшая его семантическая история в разных славянских языках была различной.

Мы не останавливаемся на других разнообразных значениях этого слова и его символике (это тема для отдельного исследования), отметим только представление о священном характере рогов и их ритуальной функции в древних культурах [10, 18]. В данной работе важно было подчеркнуть, что слово *рог* по своему исходному образу, связанному с понятием изогнутого, с древнейших времен было вписано в систему рассмотренных наименований *угол* и *кут* и до сих пор используется в ряде славянских языков для обозначения внешнего угла дома.

Слово *рог* как название наружного угла жилого дома можно связать с системой наименований частей постройки, где используются соматизмы. Функционирование «терминов, обозначающих части тела человека для описания строения дома: *лоб*, *лицо*, *наличники*, *окно (око)*, *усы*, *устье*, *ноги*, *чело*, *череп* и др.», объясняется феноменом строительной жертвы, с последующей заменой животными человеческой жертвы: «Ритуальным эквивалентом человеческой жертвы (явно не без влияния христианства) становится домашний скот и мелкие животные» [5, с. 158–159]. Таким образом, древность значения 'внешний угол дома' у слова *рог* несомненна, она поддерживается и этимологической связью *рог* — *на-ружн-ый* [16, с. 92], и фольклорными данными: см. загадку об избе *Снаружи — рогата, изнутри — комола* [5, с. 159].

Итак, в славянском мире сложилась система наименований для внутреннего и внешнего углов дома, состоящая из трех элементов: *кут*, *угол*, *рог*. Само по себе дублирование смысла, особенно в языческой системе ценностей, к которым, без сомнения, относится жилая постройка, нельзя считать избыточным, т. к. язык в древности был пронизан табуирующими элементами как на уровне смысла, так и в области формы [16, с. 9–23]. Кроме того, смысловая тавтология не противоречит системности

языка и даже служит одним из «защитных» средств, выбираемых языком для собственного сохранения [14, с. 24–25].

Вместе с тем все же, видимо, триада *кут* — *рог* — *угол*, соответствующая оппозиции «внутренний — внешний», со временем стала восприниматься как логически необоснованная, а потому избыточная, в результате чего разные славянские языковые системы избрали свою оппозиционную, в основном бинарную, модель для наименования внутреннего и внешнего угла на основе общего исходного признака изогнутого, кривого.

В русском национальном языке, как нам представляется, наметилась оппозиция *кут* — *угол*, которая сейчас уже в значительной степени является размытой; она трансформировалась в поляризацию семантики одного слова *угол*. Допускаем, что разрушение словесно маркированной оппозиции могло быть связано с постепенным ослаблением символической напряженности противопоставления «внутренний — внешний».

В других языках (украинском, белорусском, упомянутых западнославянских) сложилось противопоставление *кут* — *рог* (несмотря на то, что в семантической структуре последнего доминирует значение ‘выrost на голове животного’).

Выявление закономерностей и связанных с ними путей семантических преобразований имеет значение не только для обогащения теории языкознания, но и способствует прояснению частных практических вопросов. Например, в составе выражения *медвежий угол* не вполне очевидно, какое исходное значение содержит слово *угол*. Его можно представить себе и как ‘наружный выступ, соответственно, отдаленный от других мест’, и как ‘внутренний, задний, также отдаленный от смыслового центра избы — переднего угла’. Сопоставление с польским семантически тождественным выражением *zapadly kąt* ‘медвежий угол’, ‘захолустье, глухое место’ [7, I с. 313; II с. 648] позволяет отождествить компонент *угол* в составе выражения *медвежий угол* скорее с семантикой внутренней пространственной зоны традиционного помещения, находящейся, как правило, за печью, задней, удаленной, зачастую темной (похожей на берлогу), отличительные признаки которой и послужили для формирования образной основы фразеологического выражения *медвежий угол*.

Понимание общих закономерностей в рассматриваемом явлении позволяет более отчетливо обнаружить региональную специфику протекания общих процессов.

Так, если обратиться к данным русских говоров, то наименование *рог* для обозначения внешнего угла дома для них в целом не характерно. Словари разных эпох фиксируют единичные факты использования слова *рог* для обозначения угла как выпуклого, выдающегося пространственного объекта. Источник середины XIX в. содержит смоленский пример: *рог* — ‘угол’. *Дом его на рогу* [19, с. 191]. «Словарь русских народных говоров» приводит значение ‘угол, выступающая сторона чего-л.’ у слова *рог* только с пометой «пск.» [24, с. 117]. Что касается псковских говоров, то на фоне уже рассмотренных связей в наименовании внешнего и внутреннего углов обнаруживаются некоторые особенности в употреблении слова *рог*, в целом не свойственного данной лексико-семантической группе русского языка.

Неоднородность современного псковского языкового пространства, особую зону которого занимают южные псковские говоры, пограничные с Белоруссией, проявляется и в отражении рассматриваемого круга проблем. Здесь, хотя и единично, но обнаруживаются черты сближения с зоной соседнего восточнославянского языка. Ср.: *Клади на рок, а то вос кривой*. Пуст. [11] — *Клади сена на рох; Зацягнуў рох воза*.

[25, с. 299]. В обоих источниках слово *рог* обозначает 'угол повозки, воза', причем, как видим, содержание диалектных высказываний ситуативно тождественно.

Южнопсковские говоры фиксируют употребление слова *рог* также для наименования угла наволочки, скатерти (*Навалачку на рагу́ вы́шийют, на углу́, а па-деревёнскому на рагу́; и скатёрка на рагу́ вышива́ецца*. Пуст.), внешнего угла мешка, за который берутся для его перемещения (*У нас гаваря́ть: вазьмі за ўсьце мяшо́к, а я вазьму́ за рага́*. Вл.) [11].

Конечно, лексема *рог* имеет и другие многочисленные значения как в говорах, так и в русском языке в целом (на чем мы здесь не останавливаемся). К слову, отметим, что в современном белорусском языке *рог* 'вырост на голове животного' и *рог* 'угол' (*на рагу вулицы, рог стала, рог хустки*) оцениваются как слова-омонимы [6, с. 411], в то время как в XIX в. это были разные значения одного слова [17, с. 564].

Итак, подчеркнем еще раз, что на территории Псковщины употребление слова *рог* для обозначения угла отмечено только в южной диалектной зоне, что свидетельствует об общих лексико-семантических процессах псковско-белорусского пограничья, содержащих отличия как от общерусских тенденций, так и от местных особенностей других диалектных зон современного Псковского региона.

Таким образом, вербализация пространственной модели жилища как особого локуса поддерживала и в ряде языковых систем продолжает проявлять оппозицию «внутреннего» и «внешнего» как одной из ключевых оппозиций, обладающих высокой семантической нагруженностью.

Литература и источники

1. Агапкина Т. А. Символика освоенного пространства: угол // Пространство и время в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2011. С. 13–54.
2. Агапкина Т. А. Угол // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Индрик, 2012. С. 341–345.
3. Афанасьев А. Н. Религиозное значение избы славянина // Электронный ресурс: URL: <http://slavianstvo.org>
4. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Наука, 1983.
5. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
6. Беларуская-рускі слоўнік (Белорусско-русский словарь): ў 3 т. / Пад рэд. А. А. Лукашанца; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. Выд. 4-е, перапрац. і дап. Т. III. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.
7. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: в 2 т. М.; Варшава: Русский язык, Ведза Повшехна, 1980.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М.: Русский язык, 1980.
9. Денисенко Ю. Ф. Значение слова *кут* в Псковских летописях // Вопросы теории и истории языка. Л.: ЛГУ, 1969. С. 170–178.
10. Калашников А. А. Об этимологии русского диалектного 'рог' // Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 6–8.
11. Картотека Псковского областного словаря с историческими данными (хранится в Псковском государственном университете и Санкт-Петербургском государственном университете).
12. Криничная Н. А. Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Ред. О. П. Плюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2008. С. 131–141.

13. Курсите Я. Семантика угла в латышском фольклоре // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 422–427.
14. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М.: Наука, 1980.
15. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996.
16. Маковский М. М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. Изд. 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
17. Носович И. И. Словарь белорусского наречия: в 2 т. Т. II. СПб., 1870.
18. Онианс Р. Рог в представлении древних греков // На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 235–240.
19. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
20. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 16 / Под ред. И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб.: СПбГУ, 2004.
21. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.
22. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980.
24. Словарь русских народных говоров. Вып. 35. СПб.: Наука, 2001.
25. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: ў 5 т. Т. IV. Мн.: Навука і тэхніка, 1979–1986.
26. Смирнова А. Н. Лексика традиционного внутреннего устройства и убранства русской крестьянской избы (проблемы сбора и изучения) // Вестник Череповецкого государственного университета. Т. 2. Технические науки. Экономические науки. Филологические науки. Педагогические науки. Искусствоведение. Психологические науки. 2011. № 2 (30). С. 69–72.
27. Топоров В. Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. 1983. М.: Наука, 1984. С. 164–185.
28. Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / Ред. Н. В. Большакова. Составители: Андреев В. К., Большакова Н. В., Воробьева Л. Б., Лукьянова С. В., Мона Ю. Ю., Площук Г. И., Побидько З. В., Смирнова А. Н. Псков: ЛОГОС Плюс, 2012.
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. М.: Прогресс, 1987.
30. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. II. М.: Русский язык, 1993.
31. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12 / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1985.

Используемые в статье сокращения районов Псковской области:

- Вл. — Великолукский район
- Нев. — Невельский район
- Н-Рж. — Новоржевский район
- Н-Сок. — Новоскольничский район
- Оп. — Опочецкий район
- Остр. — Островский район
- Печ. — Печорский район
- Пуст. — Пустошкинский район
- Пыт. — Пыталовский район
- Пушк. — Пушкиногорский район
- Себ. — Себежский район
- Сер. — Середкинский район.